

«SICUT IN EDICTUM SCRIPTUM EST».
К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РИМСКО-ПРАВОВОЙ
ТРАДИЦИИ В ЭДИКТАХ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕЙ V–VI вв.

Статья посвящена проблеме преемственности традиции позднеримского законодательства в романо-варварских королевствах V–VI вв. Вопреки доминирующим в историографии представлениям о сосуществовании в этот период особых правовых систем для римлян и варваров (так называемая «персональность» права), в статье приводятся доводы в пользу преобладания режима «территориального» характера правовых норм, единых для всего населения романо-варварских королевств.

Ключевые слова: романо-варварские королевства, Поздняя Римская империя, римское право, edictum, вестготы, вандалы, бургунды, франки, остготы, Тулузское королевство вестготов.

Вопрос о степени преемственности традиции постклассического римского права в законодательстве варварских королей неизменно находится в центре внимания как антиковедов, так и медиевистов. Естественно, в разные периоды и разными учеными на него давались разные же ответы. Однако к настоящему времени большинство исследователей полагает, что в качестве принципиального отличия законов правителей Варварского Запада выступает принцип «персональности» права лиц в противовес его «территориальности», свойственной постклассической римско-правовой традиции¹. Иначе говоря, если императорские конституции IV–V вв. (сохранившиеся в кодексе Феодосия и в виде новелл восточных императоров Феодосия II (408–450) и Маркиана (450–457) и западных Валентиниана III (423–455), Майориана (457–461), Либыя Севера (461–465) и Антемия (Анфимия) (467–472))² автоматически распространялись на все население, проживавшее на территории империи (принцип «территориальности»), то в дальнейшем, в соответствии с потребностями переходного времени, сложились два отдельных, параллельно существующих законодательства – одно для варваров,

Аулов Олег Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ИАИ РГГУ.

¹ Насколько мне известно, первым концепцию «персональности» права романо-варварских королевств предложил видный германист К.Ф. Эйхгорн, отталкивавшийся от свидетельства Ф.К. фон Савиньи факта существования особого права для римлян в государстве бургундов (Eichhorn 1843, 163 ff.). Подробнее об этой дискуссии см. García Gallo 1936–1941, 172–181; D’Ors 1956, 92–96.

² Именно в таком составе императорское законодательство IV–V вв. получило отражение в «Бревиарии Алариха» (он же – «Римский закон вестготов») – обширной компиляции положений римских правовых памятников, сохранявших практическое значение в Юго-Западной Галлии и Испании в период обнародования памятника (506 г.). Показательно, что действовавшие в Восточной империи новеллы императоров Льва (457–474) и Зенона (474–491) уже не привлекли внимания римских юристов из окружения вестготского короля Алариха II (484–506). См. LRV. P. 254–313.

другое для романского населения (принцип «персональности»). Сторонники изложенной концепции утверждают, что лишь не ранее конца VI в. правовой режим вновь обрел «территориальный» характер, соответствующий условиям общества, вступившего в фазу стабилизации.

Как правило, подобные представления исходят из содержания известного положения «Бургундской правды», устанавливающего принцип исключительной подсудности галло-римлян «римским законам»³. Однако эта норма не имеет прямых аналогов в праве других романо-варварских королевств. К тому же, применительно даже к королевству бургундов, не существует никаких свидетельств существования – в противовес галло-римлянам – «собственного» права у «варваров» (прежде всего – собственно бургундов), проживавших в его границах. Именно этот факт и обусловил в свое время остроту дискуссии, развернувшейся применительно к каждому конкретному правовому памятнику, обнаруженному на «варварском Западе» в V–VI вв. Ниже я сосредоточусь главным образом на одном из таких документов – законах вестготского короля Эвриха (466–484/485), правителя Тулузского королевства вестготов. Этот конкретный памятник интересен, прежде всего, как неотъемлемая часть самого широкого историко-правового контекста, без учета которого решение проблемы «территориальности»/«персональности» права бывших провинций Западной империи периода V–VI вв. представляется невозможным.

ЗАКОНЫ ЭВРИХА КАК ЭДИКТ

Начало (а вместе с ним и оригинальное название) памятника утрачено, однако его «эдиктальный» характер давно и прочно признан в литературе⁴. Это определение базируется на однозначном замечании А. д'Орса, утверждавшего, что «название, которое на самом деле имел этот свод законов, нельзя считать неизвестным. Вероятно, он именовался “Edictum (cfr. Fragmenta Gaudenziana 7) Eurici regis”»⁵; что же касается термина «кодекс», то его применение к названию законов Эвриха носит условный характер и призвано лишь подчеркнуть его соотношение с поздне-римским Кодексом Феодосия⁶ (который он заменил на территории Тулузского королевства). Это основополагающее замечание основывается на содержании седьмой главы так называемых «фрагментов Гауденци» – остатков юридического комментария или эдикта, состоящего из 14 глав и сохранившегося в единственной рукописи X в. (British Library Add Ms. 47676), опубликованной в 1886 г. А. Гауденци, а затем, в 1968 г. – Дж. Висмарой и С. Коркораном⁷. В данном случае важен тот факт, что седьмая глава «фрагментов», содержащая прямую отсылку к эдикту (...sicut in edictum scriptum est), имеет явные параллели с содержанием одного из сохранившихся законов Эвриха⁸.

³ Lex Gund. [8]: Inter Romanos vero... sicut a parentibus nostris statutum est, Romanis legibus praecipimus iudicari.

⁴ См., например: Gibert 1968, 11.

⁵ D'Ors 1956, 113.

⁶ D'Ors 1956, 113.

⁷ Gaudenzi 1886, 5–227; Fragmenta Gaudenziana 1902, 469–472; Vismara 1968; Fragmenta Gaudenziana 2012.

⁸ Fr. Gad. 7: «De Filiis ante patrem mortuis. Si cuicumque moriatur filius eius antequam ille moriatur, et relinquant ei filii nepotes, ita ut unus relinquat unum filium, et alius relinquat plurimos, et moriatur postmodum avus illorum intestatus, ille unus talem portionem accipiat ex hereditate aui sui, qualem et alii plurimi qui de fratre illius nati sunt... sicut in edictum scriptum

Время издания эдикта Эвриха следует обобщенно определить 70-ми годами V в.⁹ Высокую оценку ему в своей «Истории готов, вандалов и свевов» дал Исидор Севильский, считая этот памятник первыми письменными законами вестготов¹⁰. Известно, что эдикт стал одним из источников обширной кодификации вестготских королей, обнародованной около 654 г. королем Рецесвинтом (649–672) и известной как «Вестготская правда», или, точнее, «Книга приговоров» (*Liber Iudiciorum*) – по названию, наиболее часто встречающемуся в рукописях¹¹. Что же касается оригинального текста памятника, то он частично сохранился в виде 26-страничного палимпсеста латинской рукописи (*Cod. Rescrip. Paris. Lat. 12161*), написанной унциальным письмом и, вероятно, происходящей из Нарбоннской Галлии. В XVIII в. кодекс находился в собрании парижского монастыря св. Германа (Сен-Жермен), а затем попал в Национальную библиотеку (Париж), где и находится до сих пор. Ранее палимпсест неоднократно издавался (в 1847 г. – Ф. Блюме¹², в 1894¹³ и 1902 гг.¹⁴ – К. Цеймером и, наконец, в 1960 г. А. д’Орсом; это издание использовано и в настоящей статье¹⁵).

Текст эдикта представлен в виде фрагментов в оригинальной нумерации (276–300, 305–312, 319–323, 327–329 и 331–336), объединенных в шесть нумерованных титулов, четыре из которых имеют названия, имеющие прямые параллели в заглавиях титулов «Книги приговоров»¹⁶; названия еще двух титулов не сохранились,

est). Cfr. Fr. Par. CCCXXVII. 3. Si vero qui moritur filios, nepotes et pronepotes relinquerit, ipsi omnes habeant facultates, ea condicione servata ut nepotes ex eo filio qui patre superstite mortuus fuerit integram de avi bonis quam fuerat pater eorum, si vixisset, habiturus percipia<n>t portionem» (значительная часть этого титула утрачена). [Fr. Gad. 7: «О сыновьях, умерших раньше отца. Если у кого-нибудь когда-нибудь умрет его сын раньше, чем умрет он сам, и сыновья оставят ему внуков так, что один оставит одного сына, а другой – нескольких, и после этого их дед умрет не оставив завещания, тот один пусть получит такую же долю, как те несколько, которые были рождены от его брата... в соответствии с тем, что написано в эдикте». Ср. Fr. Par. CCCXXVII. 3: «Если же умерший оставит сыновей, внуков и правнуков, все они пусть получат имущество с соблюдением того условия, чтобы внуки от того сына, которого пережил отец, получили из дедовского имущества полную долю, которую получил бы их отец, если бы был жив»]. Cfr. autem: LI. IV. 2. 8 (Ant.).

⁹ В литературе предлагаются самые разные датировки издания памятника, так или иначе соотносящиеся с 470 г. Не входя в детали дискуссии, ограничусь лишь перечислением основных версий: Х. Гарсия Гонсалес – 468 г., А. д’Орс (и вслед за ним А. Иглесия-Феррейрос) – около 476 г., Х.М. Перес-Прендес – 480 г. См. García González 1956, 701–705; D’Ors 1956, 112–113; Iglesia Ferreiros 1977–1978, 151; Pérez Prendez 1991, 69–71.

¹⁰ *Isid. Hist. Goth.* 35.

¹¹ О рукописной традиции «Книги приговоров» см., например: Попова 2012, 108–115.

¹² Blüme 1847.

¹³ *Legum codicis Euriciani fragmenta...* 1894, 1–19.

¹⁴ *Legum codicis Euriciani fragmenta...* 1902, 1–32.

¹⁵ D’Ors A. *El Código de Eurico*. Ed., palinogenesia, indices. Roma–Madrid, 1960 (*Estudios visigóticos*. II).

¹⁶ Речь идет о следующих титулах: «De commendatis vel commodatis» (=LI. V. 5: «De commendatis vel commodatis»); fr. CCLXXVIII–CCLXXXV; «De venditionibus» (=LI. V. 4: «De commutationibus et venditionibus»); fr. CCLXXVI–CCCIV; «De donationibus» (=LI. V. 1–3: «De ecclesiasticis rebus», «De donationibus generalibus»; «De patronum donationibus»); fr. CCCV–CCCXVII; и, наконец, «De successionibus» (=LI. IV. 2: «De successionibus»); fr. CCCXX–CCCXXXVI (fr. CCCXXVI, fr. CCCXXX отсутствует, fr. CCCXXXI–CCCXXXII сильно повреждены).

однако они могут быть более или менее точно восстановлены с учетом содержания соответствующих фрагментов, а также материала вестготского кодекса¹⁷.

Разумеется, форма эдикта, в которую облечено законодательство Эвриха, не была изобретена специально для издания рассматриваемого постановления. К концу V в. она уже прочно утвердилась в римском законодательстве. Ее особенности применительно к рубежу III–IV вв., т.е. ко времени становления традиции постклассического римского права, подробно описаны видным британским антиковедом С. Коркораном на примере императорского эдикта эпохи «тетрархов»¹⁸. По его наблюдениям, такой эдикт (*edictum*, *διατάγμα*), представлявший собой становившуюся правом публично оглашенную волю императора, начинался с указания имен соправителей. Далее изначально следовало слово «*dicunt*» (греч. *λέγουσιν*); затем его заменило указание на конкретного адресата эдикта. Закон (собственно, «*epistula*» – послание) мог быть адресован конкретным правителям¹⁹, провинциям или областям. В случае, если адресат обозначался «*ad populum*», эдикт предназначался гражданам («народу») Рима; аналогичным образом оформлялись обращения к провинциалам («*ad universos provinciales*», «*ad Lusitanos*», «*ad Bithynos*» etc.). В отдельных (хотя и относительно нечастых) случаях адресата установить непросто (например, когда он обозначен формулой «*ad edictum*»).

В случае, если эдикт был адресован должностным лицам (чаще всего – префектам претория или префекту Рима)²⁰, это автоматически предполагало издание ими собственных эдиктов – в контексте настоящей работы именно этот вид эдиктальных постановлений и представляет наибольший интерес. Такие эдикты были призваны оповещать о содержании конкретных императорских законов население территорий, вверенных в управление соответствующим должностным лицам. При этом их полномочия по обнародованию текста были достаточно широки. Так, например, знаменитый эдикт Диоклетиана о ценах (301 г.), изначально изданный в Антиохии на греческом языке, в западных префектурах был даже переведен на латынь по инициативе чиновников, получивших соответствующее императорское распоряжение.

В совокупности перечисленные элементы составляли вводную часть (*inscriptio*) эдикта. Далее следовала преамбула, наиболее риторичная часть послания, часто изложенная витиеватым «азиатским» стилем (изобиловавшим плеоназмами, сложной метафорикой и восклицаниями эмоционального и морализаторского характера), с помощью которого император рисовался борцом со «злом», которому должен был противостоять своими решениями. За преамбулой следовало собственно распоряжение (*dispositio*) по сути рассматриваемого вопроса. Наконец, завершала текст *subscriptio* – заключительная часть эдикта. Она включала формулу провозглашения («*promulgatio*»), определявшую форму издания и обнародования акта. Так,

¹⁷ Речь идет о следующих фрагментах и группах фрагментов: fr. CCLXXVI–CCLXX (cfr. LI. X. 1: «*De divisionibus et terris ad placitum datis*»); fr. CCCXVIII (cfr. LI. III: «*De ordine coniugali*»).

¹⁸ Corcoran 1996, 170–171, 206–213, 229–233.

¹⁹ Здесь и далее под обобщающим «правитель», помимо романо-варварских королей, подразумеваются все категории должностных лиц, управлявших территориально-административными единицами – префектурами, диоцезами, провинциями, – в составе Западной Римской империи, а также романо-варварских королевств, образовавшихся на ее территории в V–VI вв.

²⁰ В последующую эпоху к их числу добавятся и префекты Константинополя. См., например, об этом: Archi 1976, 59–76.

например, фрагменты уже упоминавшегося эдикта Диоклетиана о ценах, изданного в Антиохии, были оглашены приблизительно в 40 местах, где сохранились фрагменты каменных плит, на которых был высечен текст эдикта, хотя изначально предписание было адресовано лишь четырем провинциям – Египту, Фригии-Кари, Криту-Кирене и Ахайе.

Subscriptio завершалась указанием даты, фиксировавшей максимально точно, поскольку вновь изданные эдикты в соответствующей части отменяли более ранние постановления. Не случайно внимание к этой сфере и законодателей периода, следовавшего за эпохой тетрархов. Так, в конституции, изданной 26 июля 322 г., адресованной жителям Лузитании и впоследствии включенной в Кодекс Феодосия как CTh. I. 1. 1²¹, император Константин объявил лишенными юридической силы все недатированные эдикты и иные конституции²².

К сказанному следует добавить важные наблюдения современного голландского историка Б. Сиркса, согласно которым структура subscriptio четко отражала порядок обнародования императорских постановлений. Получая императорское послание, должностные лица, которым оно было адресовано, публиковали его своими эдиктами (при необходимости приказ о публикации отдавался нижестоящему должностному лицу). Так возникали три даты: 1) дата (месяц и день по римской системе), консульство (обозначавшее год) и место, где конституция была подписана императором; 2) дата, консульство и место, где она была получена, и, наконец, 3) дата, консульство и место обнародования. Все эти три даты отмечались на копии, помещавшейся в архив должностного лица, получившего конституцию: первая – как часть текста с data, а вторая и третья – внизу, после терминов asserta, proposita²³.

Сказанное позволяет понять, что функции должностных лиц-адресатов императорских постановлений (главным образом, префектов претория и иных категорий правителей) были отнюдь не второстепенными. Порядок обнародования императорских конституций и система институтов, вовлеченных в этот процесс на местах (канцелярии, архивы, определенные категории должностных лиц), оказались настолько стабильными, что пережили императорскую власть на западе римского мира и были использованы новыми правителями некогда римских провинций – варварскими королями, активно заимствовавшими законодательные функции у своих римских предшественников²⁴.

Эврих, на период правления которого (467–484/5) приходится время наивысшего могущества Тулузского королевства вестготов, был одним из этих новых правителей. Ниже речь пойдет о том, можно ли уподобить изданное им постановление тем «старым мехам» (речь идет о форме, архаичность которой не вызывает сомнения), в которые было влито «новое вино» («персональный» правовой режим для «варваров» в противовес «римлянам»).

²¹ Соответствующая часть кодекса не сохранилась, но конституция дошла до нас в составе компиляции извлечений из него, известной как «Бревиарий Алариха» (подробнее см. об этом ниже).

²² CTh. I. 1. 1 [=LRV. I. 1. 1, C. 1. 23. 4] (a. 322, Const.): «Imp. Constantinus A. ad Lusitanos. Si qua posthac edicta sive constitutiones sine die et consule fuerint deprehensa, auctoritate careant. Dat. VII. kal. Aug. Sabariae, Probiano et Iuliano cons. INTERPRETATIO. Quaecumque leges sine die et consule fuerint prolatae, non valeant».

²³ Sirks 1993, 45–67.

²⁴ См., например, об этом: Arce 2007, 30–31; Wood 1990, 66 ss.; Ауров 2012.

До середины XX в. сторонники концепции «персональности» вестготского права доминировали полностью и всецело. В пользу этого тезиса, вслед за упоминавшимся выше К.Ф. Эйхгорном, в разное время высказывались Ф. Дahn²⁵, К. Цеймер²⁶, немецкие ученые В. Рейнхарт²⁷ и А. Шульце²⁸ и некоторые другие. Что касается непосредственно испанской исторической науки, то здесь идеи «персональности» эдикта Эвриха (как части вестготского права) первым в 1840-е гг. выдвинул П.Х. Пидаль²⁹, вслед за ним – Х.Ф. Пачеко³⁰, Ф. де Карденас³¹ и некоторые другие.

Тем не менее задолго до оформления «персоналистских» (и германистских в своей основе) представлений на Пиренейском полуострове сформировался совершенно иной взгляд на проблему, основы которого заложили еще историки эрудитского направления – А. Фернандес Прието-и-Сотело³², Х. Берни-и-Каталá³³, Т.М. Фернандес-де-Меса³⁴ и блестящий Ф. Мартинес-Марина³⁵, работы которого знаменовали собой начало перехода от историографии Просвещения к научной историографии XIX в. в испанской историко-правовой науке. Все эти ученые изначально исходили из представления о «территориальности» всего вестготского права, включая и эдикт Эвриха. Их вклад в формирование основ национальной историко-правовой школы во многом объясняет, почему именно испанские исследователи первыми подвергли развернутой критике концепцию «персональности» вестготского права.

Эта критика впервые была дана в целом комплексе фундаментальных исследований, появившихся в середине – второй половине XX в. Речь идет, прежде всего, о работах А. Гарсия-Гальо³⁶, А. д'Орса³⁷ и А. Иглесия-Феррейроса³⁸, а также в определенной степени недавно умершего классика испанской историко-правовой науки Р. Хиберта (1919–2010)³⁹. Тем не менее представленный в этих работах всеобъемлющий взгляд на территориальный характер права вестготского времени (включая эдикт Эвриха) не был полностью принят современниками. О своем несогласии заявили видный португальский историк права П. Мереа⁴⁰, а позднее – итальянский ученый А. Гуарино⁴¹. Более того, в самой Испании тезис о «персональности»

²⁵ Dahn 1855, 227.

²⁶ См., например: Zeumer 1944, 64–68.

²⁷ См., например: Reinhart 1945, 704–711.

²⁸ Schultze 1943, 105–130.

²⁹ Pidal 1880, 229, 299.

³⁰ Pacheco y Gutiérrez Calderón 1847, V–LXXV.

³¹ Cardenas Espejo 1884, 1–2, 61–66, 102–107.

³² Fernández Prieto y Sotelo 1738, 84–86.

³³ Berni y Catalá 1744.

³⁴ Fernández de Mesa 1747, 12–13, 25–26.

³⁵ Martínez Marina 1808, 17–18.

³⁶ García Gallo 1936–1941, 168–264.

³⁷ D'Ors 1956, 91–124.

³⁸ Iglesias Ferreiros 1977–1978, 115–167.

³⁹ Gibert 1968, 11–13.

⁴⁰ См. Merêa 1948, 199–248; 1942–1943, 552–609 (выступление П. Мереа с ответом А. Гарсия-Гальо).

⁴¹ Guarino 1969, 611–612.

права вестготского времени в середине XX в. поддержали Р. д'Абадаль⁴² и К. Санчес-Альборнос⁴³. И, думается, это произошло не случайно: более чем за столетие, прошедшее со времени появления работ К.Ф. Эйхгорна и его единомышленников, концепция противопоставления права «римлян» и «варваров» в V–VI вв. настолько прочно утвердилась в научной литературе, что отказаться от нее было непросто.

Особенно четко это видно на примере работ, созданных за пределами собственно истории права *stricto sensu*, в рамках «классической» медиевистики. Здесь о неприятии позиции А. Гарсия-Гальо и его единомышленников заявил широкий круг ученых – от видного советского медиевиста А.Р. Корсунского⁴⁴ до австрийца Х. Вольфрама⁴⁵. Наиболее же последовательная критика концепции «территориальности» вестготского права была развернута в британской историографии, в рамках которой в середине – второй половине XX в. сложилась серьезная школа изучения раннего Средневековья вообще и истории Тулузского и Толедского королевств вестготов в частности.

В связи с этим следует обратить внимание прежде всего на работы Э.А. Томпсона⁴⁶, П.Д. Кинга⁴⁷ и Р. Коллинза. Так, согласно представлениям П.Д. Кинга, территориальный характер право Вестготского королевства приняло относительно поздно – лишь с изданием «Книги приговоров» – кодекса Рецесвинта (654 г.). Ранее испано- и галло-римляне руководствовались нормами Кодекса Феодосия, а позднее – Бревиария Алариха (506 г.), тогда как вестготы – «кодексом» Эвриха, а с конца VI в. – «кодексом Леовигильда» (так называемый «*Codex revisus*»), из которого, как считается, происходит по меньшей мере часть из тех 319 законов, которые в кодексе Рецесвинта помечены как «древние» («*antiquae*»).

В чисто количественном плане сторонники «персонализации» права эдикта Эвриха, пожалуй, преобладают. Однако это вовсе не означает незыблемости их позиций. Во-первых, в самой Испании даже наиболее последовательные (и, добавлю, немногочисленные) сторонники германистских концепций в настоящее время разделяют представления о «территориальности» испанского права вестготской эпохи, предлагая лишь некоторые новые трактовки самого принципа «территориальности»⁴⁸. Во-вторых, полного единства взглядов не существует и среди самих сторонников идеи «персонализации» права: часть из них, в отличие от П.Д. Кинга, полагает, что первым памятником права, имевшим «территориальный» характер, был несохранившийся кодекс Леовигильда⁴⁹.

В-третьих, наконец, именно сторонники «персональности» права в настоящее время пытаются сделать шаг навстречу своим оппонентам. В этом смысле весьма показательной представляется позиция наиболее видного современного британского медиевиста Р. Коллинза. По его мнению, любой однозначный вариант решения проблемы – в пользу «персональности» либо «территориальности» права – никогда не будет воспринят оппонентами как исчерпывающий. Поэтому следует искать какие-либо «промежуточные» варианты ответа. В данном случае, по его мнению,

⁴² D'Abadal 1960, 25–26.

⁴³ См., например: Sánchez-Albornoz 1976, 1011–1065.

⁴⁴ См. Корсунский 1969, 6–10.

⁴⁵ См., например: Вольфрам 2003, 278–280; Wolfram 1997.

⁴⁶ См., например: Thompson 2007, 76.

⁴⁷ King 1980, 131–157; 1976, 6–7; 1988, 228–229.

⁴⁸ См., например: Alvarado Planas 1997, 28–31.

⁴⁹ См., например: Reinhart 1945, 706.

хотя эдикт Эвриха, несомненно, не распространялся на основную массу романского населения Тулузского королевства, однако он являлся не неким «национальным» правом для варваров (примеры фиксации которого дают «варварские правды» каролингского времени), а особым правом для римских военнослужащих, каковыми по сути были федераты-вестготы, регламентировавшим также взаимоотношения последних с гражданскими лицами. При этом принадлежность этих норм к вульгарному римскому праву не подлежит сомнению⁵⁰.

БЫЛ ЛИ ЭДИКТ ЭВРИХА «ПЕРСОНАЛЬНЫМ» ПРАВОМ ВАРВАРОВ-ФЕДЕРАТОВ?

Любой, кто знаком с текстом памятника⁵¹, хорошо представляет себе, сколь незначительна в нем доля норм, относящихся к сфере военного права *sensu stricto*, в сохранившейся части эдикта. В той или иной мере к нему можно отнести лишь фрагменты CCCX⁵² и CCCXI⁵³, регламентирующие статус военных клиентов – сайонов и букцелляриев, а также фрагмент CCCXXIII, определяющий принадлежность военной добычи, добытой в походе («*in expeditione*»), в который муж выступит во главе отряда, состоящего из рабов его супруги («*cum servis uxoris*»)⁵⁴. Очевидно, что этого по меньшей мере маловато для того, чтобы рассматривать эдикт Эвриха как памятник военного права. Для того, чтобы понять это, достаточно заглянуть в соответствующие разделы Кодекса Феодосия, прежде всего в его седьмую книгу, открывающуюся титулом с характерным названием «О военном деле» («*De re militari*»).

Разумеется, на это замечание можно возразить, что значительная часть эдикта не сохранилась. Но этот довод не является исчерпывающим. Дело в том, что военное право как особая совокупность правовых норм, вообще слабо представлено в законодательстве Тулузского и Толедского королевств вестготов. Это видно уже по принципам отбора материала в Бревиарии Алариха (506 г.). Показательно, в частности, то, что из всего упомянутого выше титула CTh. VII. 1 «*De re militari*» в «Бревиарий Алариха» вошла всего одна короткая конституция Константина I, датированная 323 г. (CTh. VII. 1. 1)⁵⁵, тогда как, если верить реконструкции текста Кодекса, предпринятой Т. Моммзенем, П. Крюгером и П. Мейером, в целостном виде этот титул включал 18 конституций, изданных императорами от Константина I до Аркадия и Гонория⁵⁶. Однако это еще не все: все остальные титулы седьмой книги Кодекса вообще никак не отразились в составе «Бревиария»; в результате вся седьмая книга в нем состоит всего из одной конституции!

⁵⁰ Collins 2005, 240–245.

⁵¹ Латинский текст сохранившейся части эдикта Эвриха (по изданию А. д'Орса) вместе со сделанным мною параллельным русским переводом см. Ауров 2007, 244–263.

⁵² Fr. Paris. CCCX: «*Si quis buccellario arma dederit...*» [«Если кто-нибудь даст оружие букцеллярию...»].

⁵³ Fr. Paris. CCCXI: «*Arma quae saionibus pro obsequio dantur...*» [«Оружие, которое дается сайонам за службу...»].

⁵⁴ Fr. Paris. CCCXXIII: «*Maritus si cum servis uxoris vel suis in expeditione...*» [«Если муж выступит в поход с рабами своей жены или собственными...»].

⁵⁵ См. LRV.

⁵⁶ CTh. VII. 1. 1 (a. 323, Cost.) (=Brev. VII. 1. 1); VII. 1. 2 (a. 349?, Const.); VII. 1. 3 (a. 349, Const.); VII. 1. 4 (a. 350, Const.); VII. 1. 5 (a. 364, Valentinian./Valens); VII. 1. 6 (a. 368? 370? 373? Valentinian./Valens); VII. 1. 7 (a. 365, Valentinian./Valens); VII. 1. 8 (a. 365, Valentinian./Valens) etc.

Между тем во всей седьмой книге Кодекса Феодосия нет ни одного титула, который, хотя бы косвенно, не касался военного дела. Всего таких титулов 24; в них регламентируется самый широкий круг вопросов – от принципов несения службы, набора новобранцев и предоставления отпусков военнослужащим до организации постоя, снабжения и несения караульной службы. Важнейшие сюжеты, затронутые в книге, проявляются уже в самих названиях титулов: VII. 1. «О военном деле»; VII. 2. «Что должен доказать тот, кто поступает на какую-либо службу»; VII. 3. «Кто предпочитается по рангу»; VII. 4. «О раздаче военной анноны»; VII. 5. «О выпечке [хлеба из зерна] аннон и об их перевозке»; VII. 6. «Об одежде находящихся на службе»; VII. 7. «О пастбищах»; VII. 8. «О постое»; VII. 9. «О продуктах питания, которые не следует требовать постояльцам»; VII. 10. «Чтобы никто [самовольно] не останавливался во дворце»; VII. 11. «Чтобы никто не предоставлял бань комитам и трибунам»; VII. 12 (=C. XII. 42). «Об отпуске»; VII. 13. «О новобранцах»; VII. 14. «О жителях бургов»; VII. 15. «О границах земель»; VII. 16. «О страже побережья и дорог»; VII. 17. «О патрульных кораблях на Дунае»; VII. 18. «О дезертирах и об укрывающих их лицах»; VII. 19. «О сатурианах и субафренсиях и об укрывающих их лицах»; VII. 20. «О ветеранах»; VII. 21. «О свидетельствах, подтверждающих статус почетных трибунов и императорских телохранителей»; VII. 22. «О сыновьях военных служащих-аппариторов и ветеранов»; VII. 23. «О предоставлении коней»; VII. 24. «О преподнесении даров»⁵⁷.

Кроме того, отдельные нормы, касающиеся военных вопросов, присутствуют и в других разделах Кодекса Феодосия. Тем не менее все это многообразие норм осталось вне внимания составителей Бревиария. В качестве примера приведу конституцию CTh. I. 5. 10, датируемую 389 г. и изданную Валентинианом II, Феодосием I и Аркадием. Ее содержание, устанавливающее неподсудность наместников провинций военным судам даже в случае нанесения ими оскорбления воину⁵⁸, прямо относится к сфере того самого конфликта военной и гражданской юрисдикций, о котором говорит Р. Коллинз. Однако никаких параллелей в памятниках вестготского права (и не только эдикта Эвриха!) эта конституция не имеет.

⁵⁷ См. CTh. VII. 1 «De re militari»; CTh. VII. 2 «Quid probare debeant ad quamcumque militiam venientes»; CTh. VII. 3 «Quis in gradu praeferatur»; CTh. VII. 4 «De erogatione militaris annonae»; CTh. VII. 5 «De excoctione et translatione annonarum»; CTh. VII. 6 «De militari veste»; CTh. VII. 7 «De pascuis»; CTh. VII. 8 «De metatis»; CTh. VII. 9 «De salgamo hospitibus non praebendo»; CTh. VII. 10 «Ne quis in palatiis maneatur»; CTh. VII. 11 «Ne comitibus et tribunis lavacra praestentur»; CTh. VII. 12 «De commeatu»; CTh. VII. 13 «De tironibus»; CTh. VII. 14 «De burgariis»; CTh. VII. 15 «De terris limitaneis»; CTh. VII. 16 «De litorum et itinerum custodia»; CTh. VII. 17 «De lusoriis Danuvii»; CTh. VII. 18 «De desertoribus et occultatoribus eorum»; CTh. VII. 19 «De saturianis et subafrensibus et occultatoribus eorum»; CTh. VII. 20 «De veteranis»; CTh. VII. 21 «De testimoniali ex tribunis et protectoribus»; CTh. VII. 22 «De filiis militarium apparitorum et veteranorum»; CTh. VII. 23 «De oblatione equorum»; CTh. VII. 24 «De oblatione votorum».

⁵⁸ CTh. I. 5. 10 (a. 393, Valentinian./ Theod./Arcad.): «Addeo comiti et magistro utriusque militiae. De ordinario iudice semper illustris est cognitio praefecturae, licet militari viro ab eo facta fuerit iniuria. Dat. prid. id. ian. Constantinopoli Theodosio a. III et Abundantio consss». «[Те же Августы Аддею, комиту и магистру обоих родов войск. Дознание [о деле] наместника провинции всегда находится в ведении сиятельной префектуры, пусть даже он совершил неправомерное действие в отношении воина. Принято накануне январских ид в Константинополе в 3-е консульство Феодосия Августа и консульство Абунданция. (12 января 393 г.)» (пер. Е.С. Марей)].

Теперь о проблеме реконструкции. В литературе давно и прочно утвердилась точка зрения, согласно которой следующим по времени за эдиктом (кодексом) Эвриха сводом королевских законов стал так называемый «Codex revisus» короля Леовигильда (568–586). Специалистам хорошо известно, что сведения о самом факте существования этого кодекса содержатся в «Истории готов...» Исидора Севильского⁵⁹, а реконструкция содержания памятника на основе так называемых «древних законов» («Вестготской правды») предложена в классическом труде Р. де Уреньи-и-Сменхауда (1852–1930)⁶⁰. Но эта реконструкция построена на основе главного памятника права Толедского королевства вестготов – «Книги приговоров» (*Liber Iudiciorum*) (так называемая «Вестготская правда»), к содержанию которой в контексте настоящей работы есть смысл обратиться непосредственно.

В законах, вошедших в состав «Книги приговоров» (*Liber Iudiciorum*), явно прослеживается тенденция, аналогичная отмеченной выше. Этот факт представляется тем более значимым, что генетическая связь содержаний *Liber* и эдикта Эвриха несомненна: последний стал одним из источников кодификации королевского права конца V – первой половины VII в., предпринятой королем Рецесвинтом и обнародованной в 654 г. (позднее кодекс дополнялся его преемниками). В LI в качестве «древних законов» («*antiquae*») вошли и упомянутые выше фрагменты CCCX и CCCXI, подвергшиеся некоторой интерполяции и ставшие соответственно законами LI. V. 3. 1, 3, 4 и LI. V. 3. 2.

Что же касается собственно военного права, то в *Liber Iudiciorum* оно представлено лишь одним титулом – LI. IX. 2. О его содержании говорит уже само название: «О тех, кто не явятся в поход или дезертируют в военное время»⁶¹: все вошедшие в него нормы регламентируют наказания, связанные с неявкой по призыву, уклонением от военной службы, взяточничеством командиров и т.п. Очевидно, что иные вопросы военного характера законодателя попросту не интересовали: никаких иных норм, содержание которых позволяло бы их отнести к военному праву, кодификация не содержит (за исключением названных выше законов LI. V. 3. 1–4, вошедших в состав пятой книги, посвященной гражданско-правовым вопросам, а именно регламентации сделок).

В состав LI. IX. 2, помимо двух более поздних законов, добавленных в кодекс королем Вамбой (672–680) и позднее измененные его преемником Эрвигием (680–687) (LI. IX. 2. 8–9), вошло 7 «*antiquae*» (LI. IX. 2. 1–7)⁶². Но ни один из них не имеет прототипа в сохранившейся части эдикта Эвриха (палимпсест *Par. Lat.* 12161).

Но даже если попытаться предположить невозможное, а именно то, что все перечисленные «*antiquae*» восходят к законодательству Эвриха, даже тогда этого было бы крайне мало для того, чтобы рассматривать эдикт в целом как памятник

⁵⁹ *Isid. Hist. Goth.* 51.

⁶⁰ Ureña y Smenjaud 1905, 323–371.

⁶¹ LI. IX. 2: «De his, qui ad bellum non vadunt aut de bello refugiant».

⁶² LI. IX. 2. 1 (Ant.): «Si hii, qui exercitui prepositi sunt, commodis corrupti aliquem de expeditionem domum redire permiserint vel a domibus suis exire non coegerint»; LI. IX. 2. 2 (Ant.): «Si compulsores exercitus aliquid, dum exercitum ad ostem compellunt, de domibus eorum auferre presumserint»; LI. IX. 2. 3 (Ant.): «Si prepositi exercitus relicto bello ad domum redeant [aut alios redire permittant]»; LI. IX. 2. 4 (Ant.): «Si prepositi exercitus aut relicta expeditione domum redeant aut alios exire minime compellant»; LI. IX. 2. 5 (Ant.): «Si compulsores exercitus beneficio accepto aliquem sine egritudine domi stare permiserint»; LI. IX. 2. 6 (Ant.): «De his, qui annonas distribuendas accipiunt vel fraudare presumunt»; LI. IX. 2. 7 (Ant.): «Quam mercedem accipiat qui mancipia vel quaslibet res de manu ostis excusserit».

позднеримского военного права: ведь даже со сделанными выше оговорками собственно военные нормы насчитывают не более 9 законов (7 «antiquae» (LI. XI. 1–7), CCCX (=LI. V. 3. 1, 3, 4) и CCCXI (LI. V. 3. 2) из более чем 336 вошедших в состав эдикта: именно на цифре CCCXXXVI заканчивается оригинальная нумерация в парижском палимпсесте. Таким образом, концепцию Р. Коллинза нельзя считать даже временным решением проблемы «персональности» или «территориальности» вестготского права в эпоху, предшествующую кодификации Рецесвинта.

ЭДИКТ ЭВРИХА И ЭДИКТЫ РОМАНО-ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕЙ V–VI вв.: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Возникает вопрос: имеет ли проблема решение вообще? Ведь как справедливо подчеркивается самими исследователями, круг источников, привлекаемых для ответа на соответствующий вопрос, ограничен, а их содержание – весьма лапидарно. На данный момент у меня нет окончательного ответа на этот вопрос. И все же я надеюсь, что рассмотренная выше дискуссия отнюдь не относится к разряду бесконечных. Перспективным путем решения проблемы представляется расширение круга используемых источников, что я и попытался сделать. Ведь эдикт Эвриха представляет собой далеко не единственный пример эдикта, изданного варварским королем на территории бывшей Западной Римской империи в последней трети V–VII в.

Обращаясь к выявлению и анализу памятников такого рода, необходимо прежде всего заметить, что отсутствие самого слова «*edictum*» в тексте королевского закона вовсе не означает, что последний не может быть квалифицирован как эдикт⁶³. В частности, это касается одного из законов вандальского короля Хуннериха (477–484), который Виктор из Виты, включивший его текст в свою «Историю гонений...», уверенно квалифицирует как эдикт⁶⁴. Что выглядит вполне обоснованно, поскольку рассматриваемый закон имеет все основные видовые характеристики эдикта в том его виде, который охарактеризован С. Коркораном.

Прежде всего, налицо *inscriptio* (о содержании которого – чуть ниже)⁶⁵. За ней следует преамбула, написанная тем самым риторически возвышенным стилем, о котором говорил британский исследователь. В ней говорится о высших целях королевского правосудия, долженствующего отвергать непотребные советы, воздавать каждому по его делам, и, наконец, содержится угроза сурового наказания тем, кто пренебрегает соблюдением постановлений, вынесенных как самим Хуннерихом, так и его отцом Гейзерихом (428–477)⁶⁶; целый ряд косвенных признаков (в частности – использование явно императорских титулов – «*clementia nostra*» (cfr. CTh. I. 74 etc.), «*mansuetudo nostra*» (cfr. CTh. I. 5. 9 etc.).

⁶³ Впрочем, интересующий нас термин мог быть включен и в основной текст, непосредственно перед субскрипцией, как это видно из другого эдикта того же Хуннериха, также включенного в текст «Истории гонений...». *Vict. Vit.* III. 3: «*Huius autem edicti tenorem universis coepiscopis tuis per universam Africam constitutes direximus*» (здесь и далее выделено мной. – О.А.).

⁶⁴ *Vict. Vit.* III. 3: «*post haec edicta feralia veneno toxicato transversa iubet cunctos episcopos ... expoliari et expoliatos foris muros propelli*» (etc.).

⁶⁵ *Vict. Vit.* III. 2: «*Rex Hunirix Wandalorum et Alanorum universis populis nostro regno subiectis*».

⁶⁶ *Vict. Vit.* III. 2.

Далее идет диспозиционная часть, содержание которой направлено против сторонников Никейского вероисповедания; более же детальный анализ содержания не представляет интереса в контексте настоящей работы (тем более что сам Витор Витенский подчеркивает его заимствованный характер: юристы Хуннериха скомпилировали текст из различных императорских конституций, направленных против еретиков и вошедших в соответствующий титул «Кодекса Феодосия» (СTh. XVI. 5). Завершается эдикт, как и положено, *subscriptio*, составленной в абсолютно классической форме (за исключением лишь указания имен консулов: датировка дается по годам правления короля)⁶⁷.

Наибольший же интерес в тексте эдикта представляет инскрипция, содержащая информацию об адресате. В данном случае, она не оставляет оснований для сомнений: адресатами эдикта являются «весь народ» королевства, т.е. и варвары (вандалы и аланы) тоже, что подтверждается и соответствующими оговорками в диспозиционной части: «*cunctis populis fecimus innotesci*» (выделено мной. — О.А.). Очевидно, что в данном случае под «*populi*», разумеется, следует понимать не только римлян-граждан африканских муниципиев, но и варваров, поскольку содержание закона также имело к ним непосредственное отношение⁶⁸.

Внешние черты позднеримского эдикта оказались достаточно стабильными. Это хорошо видно на примере законодательства меровингского короля Бургундии Гунтрамна (561–592), сохранившийся эдикт которого датирован 585 г. Инскрипция эдикта, адресованного бургундским епископам и судьям, выдержана абсолютно в римской манере⁶⁹. Пространная преамбула содержит апелляцию к высшему Судии, служением которому мотивируется законодательная деятельность короля. Во имя стабильности и спасения своего королевства правитель выражает намерение искоренить существующее в нем зло; те же, кто не страшится суда Божьего, будут истреблены болезнями и мечом; не ведающие, что творят, не только раньше срока закончат земную жизнь, но и попадут в ад⁷⁰.

Наконец, как это и положено в эдикте, его текст завершается субскрипцией с указанием места и даты издания эдикта. Вместе с тем по сравнению с приведенными выше субскрипциями из эдикта Хуннериха соответствующие элементы эдикта Гундобада оказываются несколько более пространными. Во-первых, появляется указание на личную подпись короля. Во-вторых, ему предшествуют указания на нерушимость правовой силы эдикта, а также на тот факт, что он был провозглашен королем на провинциальном соборе в Маконе⁷¹. Все эти новации, однако, лишь подчеркивают жизнеспособность эдикта как формы королевского закона, не копировавшейся с древних образцов, но переживавшей развитие параллельно с изменениями в самой системе законотворчества.

Утвердившаяся традиция принятия законов в собраниях церковной и светской знати отражается в эдиктах и других меровингских королей, правивших как одно-

⁶⁷ *Vict. Vit.* III. 2: «*Data sub die VI. Kal. Mart. Carthagine*». Эта классическая формулировка несомненно следовала устоявшейся формуле, как это видно из другого эдикта Хуннериха (*Vict. Vit.* III. 3: «*Data sub die tertio decimo Kalendas Iunias anno septimo Hunnirici*»).

⁶⁸ В случае, когда это было иначе, *inscriptio* выглядела совершенно по-иному. См., например, другой эдикт Хуннериха (*Vict. Vit.* III. 3: «*Rex Hunirix Wandalorum et Alanorum universis episcopis homousianis*»).

⁶⁹ *Guntramn. Ed.* (a. 585): «*Gunthramnus rex Francorum omnibus pontificibus ac universis sacerdotibus et cunctis iudicibus in regione nostra constutis*».

⁷⁰ *Guntram. Ed.* (a. 585).

⁷¹ *Guntram. Ed.* (a. 585): «*...in sancta synodo Matisconensi...*».

временно с Гунтрамном, так и позднее него. Это хорошо видно, в частности, на примере эдикта франкского короля Нейстрии Хлотаря II (584–629), в 613–629 гг. управлявшего всей франкской Галлией. Эдикт, изданный в 614 г., имеет все означенные выше элементы – инскрипцию, преамбулу, диспозицию и субскрипцию. При этом инскрипция выглядит явно нетрадиционно: она содержит указание на акт издания эдикта («*edictum* (var.: *actuum*) *vel constitutionem*») на провинциальном соборе в Париже (приводится также дата); при этом (в отличие от имени короля) имя (имена) адресата (-ов) эдикта не фигурирует вообще⁷².

Следует ли расценивать эти отличия как свидетельство разрыва традиции? Положительный ответ на этот вопрос представляется явно поспешным. Разумеется, механизм законотворчества не оставался неизменным. Тем не менее намечавшиеся новации (по меньшей мере в начале VII в.) еще не предполагали радикальной ломки принципов законотворчества. Об этом неопровержимо свидетельствует четкое соответствие «классической» позднеримской модели всех остальных формальных элементов эдикта Хлотаря II.

В самом деле его преамбула выглядит вполне традиционно. Ее содержание подчеркивает стремление короля защищать «счастье королевства» путем издания мудрых нормативных актов («*statuta atque decreta*»), тогда как издаваемый закон определяется как «*edictum*»⁷³. Субскрипция же очень напоминает аналогичный элемент эдикта Гунтрамна 585 г.: наряду с указаниями даты и места издания эдикта, оговаривается факт скрепления закона собственноручной подписью короля⁷⁴.

Особняком от рассмотренных выше правовых памятников меровингского времени стоит эдикт короля Нейстрии Хильперика I (561–584) (с 567 г. управлявшего также Парижем). Изданный несколько ранее, чем эдикт Гунтрамна, он лишен интересующих нас формальных элементов: сохранилась лишь диспозитивная часть текста. Однако его уверенная квалификация как эдикта в одной из двух сохранив-

⁷² Chlotarii II edictum (a. 614): «*Incipit actuum vel constitutionem inelyti principis Clothacharii regis super omnem plebem in conuentu episcoporum in sinodo Parisiis adunata, sub die quintodecimo Kal. Novembris anno tricesimo primo suprascripti regis imperium*» [«Начинается постановленное обо всем народе от знаменитого правителя короля Хлотаря, составленное в собрании епископов на соборе в Паризиях, в пятнадцатый день до ноябрьских календ, в тридцать первый год правления упомянутого короля»].

⁷³ Chlotarii II edictum (a. 614): «*Felicitatem regni nostri in hoc magisque divinum intercedente suffragium succrescere non dubium est, si qua in regno, Deo propicio, nostro, bene acta, statuta atque decreta sunt, inviolabiliter nostro studuerimus tempore custodire; et quod contra rationis ordinem acta vel ordinata sunt, ne innantea, quod avertat divinitas, contingat, disposuimus Christo praesole per huius edicti nostri tenorem generaliter emendare*» [«Не следует сомневаться в том, что счастье нашего королевства возрастает, тем более – при вмешательстве Божественного покровительства. И если что-либо, по милости Божьей, было благополучно *издано* и *постановлено* в Нашем королевстве, Мы позаботимся неукоснительно охранять это в период Нашего царствования. А то, что было введено или установлено вопреки соображениям порядка, чтобы впредь не действовало противоречащее Божественному, во Христе покровителе Мы приказали всячески улучшить *посредством этого Нашего эдикта*»].

⁷⁴ Chlotarii II edictum (a. 614): «*Quam auctoritatem vel edictum perpetuis temporis valeturum manus nostrae subscriptionibus decrevimus rovorandum. Hamingus. Chlotacharius in Christi nomine rex hanc definitione subscripsi. Data sub die XV. Kalendas Novembris, anno XXXI. regni nostri Parisiis*» [«Каковую волю или эдикт, действующий на вечные времена, Мы постановили скрепить Нашей собственноручной подписью. Аминь. Хлотарь во имя Христа подписал это решение. Принято в 15-й день до ноябрьских календ, в 31-й год нашего правления в Паризиях»].

шихся рукописей (Cod. Paris. 4404)⁷⁵ позволяет рассматривать памятник в одном ряду с другими меровингскими эдиктами. Но еще более важным идентифицирующим признаком оказывается факт принятия эдикта Хильперика I в собрании знати, как светской, так и (вероятно) церковной.

При этом законодатель самым непосредственным образом подчеркивает, что адресат закона – «весь народ», без его разделения на франков и галло-римлян⁷⁶. Важно, что аналогичный вывод можно сделать и из содержания других рассмотренных выше меровингских эдиктов. Все они регулируют правовой режим в целом, т.е. на основе территориального принципа, исключающего разделение населения королевства на варваров и неварваров. Судя по содержанию конкретных норм, они распространяются на представителей всех групп населения – епископат, клир, светскую знать, простых свободных и т.п., признавая разделение лишь по статусу, но не по принадлежности/непринадлежности к романскому населению.

Можно, однако, возразить, что правовые отношения между варварским и романским населением в королевстве франков, изначально принявшем христианство в ортодоксальной форме и не знавшем религиозной розни, не могут рассматриваться как универсальная модель для понимания аналогичных отношений в королевстве вестготов эпохи Эвриха, четко разделенных на ортодоксов (испано-римлян) и ариан (варваров). Это заставляет обратиться к эдиктам, изданным правителями тех романо-варварских королевств, для которых, подобно Тулузскому и Толедскому королевствам вестготов, было характерно более или менее длительное по времени сосуществование ортодоксального христианства романского населения с арианством варварской верхушки.

Первым в этом ряду оказывается знаменитый эдикт Теодориха Великого (493–526), датируемый временем ок. 500 г.⁷⁷ Принадлежность этого памятника к традиции постклассического права, как и его генетическая связь с содержанием императорских конституций, вошедших в состав кодификаций Грегория (ок. 291–292 гг.), Гермогениана (после 295 г.) и Феодосия II (438 г.), а также с положениями «Сентенций» Павла и некоторыми другими важнейшими римско-правовыми памятниками широко известна⁷⁸ и не требует доказательств: в качестве одного из главных источников права этого времени эдикт Теодориха фигурирует в учебниках в ряду других хрестоматийных примеров⁷⁹.

Дошедший до нас в виде *editio princeps*, осуществленного французским гуманистом П. Питу (1539–1596) в 1579 г. (поскольку обе использованные им рукописи не сохранились)⁸⁰, Эдикт Теодориха в его известном виде лишен инскрипции и субскрипции. Первую заменяют слова «*Edictum Theoderici regis*», а вторую – столь

⁷⁵ Chilp. Ed. (a. 561–584): «*Edictum domni Chilperici regis*».

⁷⁶ Chilp. Ed. (a. 561–584): «*Pertractantes in Dei nomen cum viris magnificentissimis optimatibus vel antrustionibus et omni populo nostro...*» [«Во имя Бога выясняя с благородными мужами, и антрустионами, и всем Нашим народом...»].

⁷⁷ Итальянский юрист Дж. Висмара в 1953 г. предложил иную датировку, основанную на атрибуции эдикта не остготскому королю Теодориху Великому (493–526), а вестготскому – Теодориху II (453–467) (см. Vismara 1956, 49–89). Но эта точка зрения не нашла поддержки ни в зарубежной, ни в отечественной литературе. См., например, об этом: Корсунский 1972.

⁷⁸ Последнее по времени развернутое исследование источников Эдикта Теодориха проведено канадским исследователем Ш.Д.У. Лэффerti (Lafferty 2010).

⁷⁹ См., например: Новицкий 1994, 28; Франчози 2004, 39.

⁸⁰ Lafferty 2010, 18–19.

же краткое «Explicit Edictum Theoderici Regis». Содержались ли эти слова в оригинале, или же они добавлены издателем – неясно. Однако, помимо 154 отдельных законов (т.е. *dispositio*), сохранились еще преамбула и заключение, содержание которых весьма показательны.

В преамбуле законодатель подчеркивает, что видит своей задачей восстановление порядка и устранение беззакония, каковой цели и должно послужить издание эдикта. При этом прямо подчеркивается, что следовать его положениям в равной мере должны как «варвары», так и «римляне»⁸¹. Та же мысль о территориальном характере положений эдикта настойчиво проводится законодателем и в заключительной части памятника, которая завершается словами о стремлении короля способствовать безопасности всех жителей королевства – «*pro omnium provincialium securitate*»⁸². Таким образом, противопоставление варварского и романского населения в религиозном плане вовсе не предполагает автоматической «персональности» права.

Близкие по содержанию выводы можно сделать и при анализе другого правового памятника той же эпохи, на этот раз происходящего из бургундского королевства, также отмеченного длительным (почти столетним) сосуществованием римлян-ортодоксов и варваров-ариан. В контексте настоящей работы бургундский материал заслуживает тем большего внимания, что в литературе уже давно утвердилось представление о сходстве правовых режимов вестготского и бургундского королевств. И действительно, обращает на себя внимание уже сам факт наличия в обоих королевствах санкционированных королевской властью особых сборников

⁸¹ Ed. Theod. [praeamb.]: «Quaerelae ad nos plurimae pervenerunt, intra provincias nonnullos legum praecepta calcare. Et quamvis nullus iniuste factum posit sub legum auctoritate defendere: nos tamen cogitantes generalitatis quietem, et ante oculos habentes illa, quae possunt saepe contingere, pro huiusmodi casibus terminandis, praesentia iussimus *edicta* pendere: ut salva iuris publici reverentia, et legibus omnibus cunctorum devotione servandis, quae *barbari Romanique* sequi debeant super expressis articulis, *edictis* praesentibus evidenter cognoscant» [«Нам поступили многочисленные жалобы, что в провинциях попираются некоторые предписания законов. И хотя никто не может защищать силой закона то, что совершенно незаконно, однако Мы, думая о всеобщем покое, и имея перед глазами то, что может часто иметь место, дабы положить конец делам такого рода, приказываем издать настоящий *эдикт*, чтобы во имя почтения к публичному праву и соблюдения всех законов посредством всеобщего благочестия, то, чему должны следовать *варвары и римляне* помимо уже изданных положений, пусть они очевидным образом узрят в настоящем *эдикте*»].

⁸² Ed. Theod. [praeamb.]: «[Epilogue] ... quae omnium *barbarorum, sive Romanorum* debet servare devotio. <...> Quod si forsitan persona potentior, aut eius procurator, vel vicedominus ipsius, aut certe conductor, *seu barbari, seu Romani*, in aliquo genere causae praesentia non permiserint *edicta* servari, et iudex, cuius intererit obsistere aut vindicare aut obviare non potuerit, in nostram illico, si sibi consulit, instructa ex omnibus relatione dirigat, deposita totius formidinis suspicione, notitiam. Haec enim sola ratione a culpa esse poterit absolutus. Quia quod pro omnium provincialium securitate provisum est, universitatis debet servare devotio» [«...что должно способствовать благочестию всех *варваров и римлян*. <...> Если же случится, что могущественное лицо, или его представитель, либо управляющий, либо арендатор *варвара или римлянина* в каком бы то ни было деле не позволят следовать настоящему *эдикту*, и судья, который будет разбирать это дело, не сможет помешать, или потребовать, или противодействовать этому, пусть, если сочтет нужным, тотчас же направит на наше рассмотрение, снабдив донесением обо всех обстоятельствах дела, отбросив любые страхи и подозрения. Лишь в этом случае он будет освобожден от ответственности. Ибо то, что предусмотрено во имя безопасности провинциалов, должно служить всеобщему благочестию»].

римского права – «Римского закона бургундов»⁸³ в одном случае и «Римского закона вестготов» («Бревиария Алариха») – в другом⁸⁴.

Эти явно римские по происхождению (но, кстати, не обязательно распространенные исключительно на романское население) компиляции норм в обоих случаях сосуществовали с более «оригинальными» королевскими законами, санкционированными в Тулузском королевстве Эврихом, а в королевстве бургундов – Гундобадам. Не менее важным представляется и факт несомненной близости целого ряда положений сохранившейся части Эдикта Эвриха, с одной стороны, и законов бургундского короля Гундобада (473–516) – с другой, на что уже в XIX в. указывал К. Цеймер⁸⁵.

Законы Гундобада, в литературе часто не совсем верно именуемые «Бургундской правдой», на самом деле представляют собой кодификацию королевских постановлений, обнародованную в собрании бургундской знати (*comitum et procerum nostrorum*) и именуемую «*Liber constitutionum sive Lex Gundobada*» (лишь в конце этого текста (явно не оригинальном) содержится пометка: «*Lex Burgundionum explicit*», видимо и давший начало термину «Бургундская правда»). По содержанию к нему непосредственно примыкает еще один сборник – так называемый «*Constitutiones Extravagantes*», начало которого утрачено и который представляет собой комплекс разрозненных королевских конституций⁸⁶.

Даже поверхностное сопоставление двух сборников показывает, что в основе кодификации Гундобада положены конституции, составленные в строгом соответствии с позднеримскими прототипами. «Очищенные» от сугубо формальных элементов (инскрипций, преамбул и субскрипций), эти тексты были сгруппированы по тематическому принципу, причем моделью для организации материала стал «Римский закон бургундов»⁸⁷. Тем не менее, по всей видимости, из-за того, что составители кодификации не всегда были достаточно тщательны⁸⁸, в шести титулах

⁸³ См. LRB. Источниками для составления «Римского закона бургундов» послужили конституции из кодексов Григория, Гермогениана и Феодосия, новеллы, а также «Институции» Гая и «Сентенции» Павла; этот перечень вполне сопоставим с кругом источников «Бревиария Алариха». См. LRB, 168–170.

⁸⁴ В связи с этим интересен и факт вероятного политического союза Алариха II и Гундобада, общим врагом которых являлся франкский король Хлодвиг. В начале VI в. лишь нападение Алариха на юго-западные земли Меровингов позволило Гундобаду сохранить бургундский престол: именно в этом смысле следует понимать замечание Григория Турского (Greg. Hist. II. 33). Подробнее об этом см., например: Уоллес-Хедрилл 2002, 98.

⁸⁵ Zeumer 1944, 64, 67–68.

⁸⁶ От первых 17 конституций сохранились лишь названия и незначительные фрагменты, XVIII включает два отдельных закона, XIX, изданная Гундобадам, сохранилась почти полностью, за исключением субскрипции, XXI (Сигизмунд) представляет собой 14 отдельных законов (*capitula*), принятых «*in conventu Burgundionum*» в местечке Амбарик (совр. Амберье-ан-Буже), в древности входившем в Лугдунский паг. И лишь XX конституция, обнародованная в 516 г. сыном и преемником Гундобада Сигизмундом (516–524), дошла до нас полностью.

⁸⁷ См. таблицу параллелей в титулах кодификации Гундобада и «Римского закона...»: *Leges Burgundionum...* 164–167.

⁸⁸ Теоретически нельзя исключить и того, что субскрипции были специально добавлены при преемниках Гундобада – Сигизмунде и Годомаре II (524–534), инициаторах составления более поздних редакций кодификации, для обозначения сделанных дополнений. Однако рассмотренный ниже фрагмент титула LXXXIX, несомненно введенный при преемниках Гундобада, заставляет предположить, что скорее всего причиной была обычная небрежность.

(Lex Gund. XLII, XLV, LII, LXII, LXXVI, LXXIX) не были удалены субскрипции, датируемые периодом 501–517 гг. Их содержание и форма до мелочей отвечают римским нормам – вплоть до указания имен консулов⁸⁹.

Уже само по себе это свидетельствует о том, что бургундские короли оформляли свои законы по образцу императорских конституций, и в этом смысле использование термина «constitutiones» как в прембуле⁹⁰, так и в заключительной части⁹¹ «Законов Гундобада» является вполне обоснованным. Но у меня есть все основания утверждать также и то, что изначально в форме эдикта были изданы все эти конституции без исключения. Во-первых, в сборнике «Constitutiones Extravagantes», единственный закон, провозглашенным Сигизмундом в 516 г. и дошедший до нас в первоначальном виде (его содержание касается статуса воспитанников), является именно эдиктом, о чем говорят как его структура (наличие инскрипции⁹², преамбулы⁹³ и

⁸⁹ Lex Gund. XLII: «Data Ambarico in colloquio sub die III. Nonas Septembris, Abieno viro clarissimo consule» (a. 501); XLV: «Data sub die V. Kalendas Iulias Lugduno, Abieno viro clarissimo consule» (a. 502); LII: «Data sub die IIII. Kalendas Aprilis Lugduno, Agapio consule» (a. 517); LXII: «Data sub die IIII. Idus Iunii anno II. regni domini» (a. 517); LXXVI: «Datum V. kalendas Iulias, Probo viro clarissime consule» (a. 513); LXXIX: «Datum sub die kalendas Marcias Lugduno post consulatum Senatoris viri clarissimi consulis» (a. 515).

⁹⁰ Lex Gund. [Prima constitutio]: «Vir gloriosissimus Gundobadus rex Burgundionum. Cum de parentum nostrisque *constitutionibus* pro quiete et utilitate populi nostris impensius cogitemus... In Dei nomine anno secundo regni domini nostri gloriosissimi Gundobadi regis liber constitutionum de praeteritis et praesentibus atque in perpetuum conservandis legibus editus sub die IIII. kalendas Aprilis Lugduno» [«Славнейший муж Гундобад, король бургундов. Поскольку посредством *постановлений* Нашего родителя и Нашими Мы всячески стремимся к покою и пользе нашего народа... Во имя Божье во второй год правления славнейшего господина нашего короля Гундобальда книга постановлений о законах прошлых и настоящих, а также тех, которые надлежит сохранить на будущее издана в 4-й день до апрельских календ в Лугдуне»].

⁹¹ Lex Gund. [14]: «*Constitutiones* vero nostras placuit, etiam adiecta comitum subscriptione firmari, ut definitio, quae ex tractatu nostro et communi omnium voluntate conscripta est, etiam per posteris custodia perpetuae ractionis teneat firmitatem» [«*Постановления* же наши надлежит скрепить, добавив подписи комитов, чтобы определение, которое происходит от нашего обсуждения и которое подписано с согласия всех, также соблюдалось бы потомками и имело силу вечного соглашения»].

⁹² Const. Extravag. [XX]: «Segismundus rex Burgundionum». Cfr. [XIX]: «Gundobaldus rex Burgundionum omnibus comitibus».

⁹³ Const. Extravag. [XX]: «Cum [venerabilis viri] Gimelli episcopi digna et laudabili suggestione conperimus, expositos, quos miseratio colligi faciebat, et ideo praetermitti, dum collegentes alumnos sibi eripi calumniantum intencionem formidant, et cessante misericordia eorum animae male poterant interire» [«Из достойного и прекрасного доклада благочестивого мужа епископа Гимелла мы узнали, что подкидыши, которые были собраны из сострадания, получили отказ по той причине, что уже собранные воспитанники боятся злокозненного намерения быть изгнанными, и, без всякого милосердия к их душам, они могут прискорбно погибнуть»]. Упоминание о сообщении епископа Гимелла придает этой части документа определенное сходство с римским рескриптом. Однако в данном случае это не так, поскольку сам обращающийся к королю епископ не является пострадавшим и, сообщая о неблагоприятной ситуации, действует как должностное лицо. Кроме того, упоминание об угрозе, тяготеющей над душами изгнанных подкидышей, придает содержанию преамбулы то обобщенное значение, которое характерно для римского эдикта.

субскрипции⁹⁴), так и прямые и неоднократные указания в тексте⁹⁵. Во-вторых, в тексте одной из конституций, вошедших непосредственно в «Закон Гундобада», помимо указанных выше инскрипций, несложно обнаружить еще одну (что называется – характерную!) ошибку составителей кодификации: в конце титула *Lex Gund. LXXXIX* они не исключили часть преамбулы, свидетельствующую о том, что изначально соответствующий титул представлял собой именно эдикт, о чем в его тексте и говорится вполне недвусмысленно⁹⁶.

В контексте проблематики настоящей работы, однако, важны не только формальные, но и (в первую очередь) сущностные аспекты. А здесь – в том, что касается «территориальности» или «персональности» права, – позиция законодателя, отраженная в бургундских эдиктах, формулируется предельно четко. И в рассмотренном выше эдикте Сигизмунда 516 г., касающемся сбора налогов⁹⁷, и в преамбуле кодификации Гундобада, обобщившей законы-эдикты как последнего, так и его отца, короля Гундевеха (Гундиоха) (436–473) (основателя Лионского королевства бургундов)⁹⁸, проводится принцип, согласно которому галло-римляне судятся по римскому праву между собой, и по королевскому (вовсе не чуждому римскому!) праву – с бургундами. Таким образом (на что уже обращалось внимание выше), в качестве персонального выступает лишь право римлян, тогда как варвары, кажется, не имеют такового вовсе, а руководствуются правом королевским, складывающимся на основе эдиктов и носящим четко выраженный – *территориальный!* – характер.

И ВНОВЬ ОБ ЭДИКТЕ ЭВРИХА

В свете всего сказанного выше очевидно, что право всех романо-варварских королевств V–VI вв. имело целый ряд принципиально значимых общих черт, проявлявшихся как в форме, так и в содержании вновь издававшихся правовых актов. В первом случае речь идет о следовании модели эдикта префектов претория и других категорий римских правителей, сложившейся в праве Поздней империи и воспроизводившихся в разных королевствах и при разных королях в силу устояв-

⁹⁴ Const. Extravag. [XX]: «Data sub die VIII. Idus Maricias, Petro consule».

⁹⁵ Const. Extravag. [XX]: «quapropter iusta suggestione permoti ... praesentem *edictorum* tenore decrevimus [vacuari]»; Const. Extravag. [XX]: «illae tantum causae de hoc genere, quae ante diem praesentis *edicti* finitae sunt...».

⁹⁶ Lex Gund. LXXXIX: «Cuius *edicti* et districtiois formam, quia utilitati omnium convenit, legibus nostris ad vincictam divulgari».

⁹⁷ Const. Extravag. [XX]: «...ut *inter Romanos* etiam de hoc negotio *legis Romanorum* ordo servatur; *inter Burgundiones et Romanos* exortum tale litigium, *qualiter a nobis statutum fuerit*, finiatur» [«...чтобы в этом случае *между римлянами* действовал порядок, установленный *римским законом*; если же такое дело возникнет *между бургундами же и римлянами*, пусть оно будет разрешено так, как будет постановлено *Нами*»].

⁹⁸ Lex Gund. [3]: «Omnes itaque administrantes ac iudices *secundum leges nostras*, quae communi tractatu compositae et emendatae sunt, *inter Burgundionem et Romanum* praesenti tempore iudicare debebunt, ita ut nullus aliquid de causis et iudiciis praemii aut commodi nomine a qualibet parte speret aut praesumat accipere, sed iustitiam, cuius pars meretur, obteneat et sola sufficiat integritas iudicantis» [«Все же должностные лица и судьи с нынешнего времени *между бургундом и римлянином* должны судить в соответствии с *Нашими законами*, составленными и исправленными при общем обсуждении, так, чтобы под предлогом дел и судебных постановлений никто не ожидал и не смел получать вознаграждения или личной выгоды, но придерживался правосудия, частью исполнения которого он удостоен являться: довольно одной лишь чести быть лицом, вершащим суд»]; см. также Lex Gund. [8].

шейся традиции, оснований для отказа от которой в указанный период не существовало. Во втором – о последовательно-«территориальном» характере содержания этих эдиктов, ни один из которых не создавал (и не ставил своей целью создавать) «персонального» варварского права как сколь-нибудь целостной системы, последовательно противопоставленной позднеимперскому праву Кодекса Феодосия и новелл середины – второй половины V в.

Тот факт, что все эти правовые акты наделяют варваров некими (довольно ограниченными по своему спектру) привилегиями и особыми правами (главным образом устанавливают более высокую сумму вергельдов, взимавшихся за покушение на их жизнь и имущество), сам по себе не опровергает сказанного выше. Ни в одном из рассмотренных эдиктов варварских правителей такие привилегии не образуют сколь-нибудь системного и целостного «персонального» права. В этом смысле «старые меха» вовсе не стремятся наполнить «новым вином», что, в свою очередь, заставляет поставить принципиальный вопрос: существуют ли сколь-нибудь веские основания для того, чтобы рассматривать эдикт Эвриха как исключение из этого общего (для периода V–VI вв.) правила? Общего, замечу, настолько, что оно действует и применительно к варварам-арианам (вандалы, остготы, бургунды) и варварам-ортодоксам? Что оно не зависит от степени конфликтности взаимоотношений варваров и римского населения и в равной степени проявляется применительно ко всем – от веротерпимых остготов до дискриминировавших ортодоксальных христиан вандалов?

Считаю, что таких оснований нет. И дополнительным (и весьма весомым) доводом в пользу этого умозаключения являются форма и содержание другого вестготского закона, а именно закона короля Теоды (531–548). Этот закон о порядке взимания судебных издержек, изданный 24 ноября 546 г. и дошедший до нас в виде палимпсеста, насколько можно судить по его сохранившейся части, по своей форме почти идеально следует модели римского эдикта. Об этом свидетельствует, во-первых, структура его *inscriptio*, содержащей обращение ко «всем наместникам и судьям», параллели которому встречаются в императорских конституциях⁹⁹. Показательно также использование Теодой эпитета «*Flavius*», призванного подчеркнуть его право на соответствующую законодательную деятельность. Прембула, к сожалению, почти не сохранилась. А вот дата (и это во-вторых) читается вполне и является столь же «классической» по форме¹⁰⁰, с той лишь разницей, что вместо имени консула год отсчитывается от начала правления Теоды. В-третьих, показателен порядок обнародования положений закона – в виде эдиктов правителей и судей, каждый из которых должен довести его до сведения населения вверенной ему территории.

Но еще более важным, чем все сказанное о законе Теоды, является содержание заключительной части этой «*constitutio*». Дело в том, что означенным выше категориям должностных лиц предписывается проследить, чтобы королевское постановление было внесено в текст рукописей... Кодекса Феодосия, в 16-й титул четвертой книги, к которому он подходит по содержанию!¹⁰¹ Здесь следует ого-

⁹⁹ Lex Theud.: «*Flavius Theudis rex ... [uni]versis rectoribus et [iudicib]us... Conovimus provinciales adque universos populos nostros ... litium sumptibus vel expensis...*». Cfr. CTh. VIII. 1. 12 (a. 382): «*Imppp. Gratianus, Valentinianus et Theodosius AAA. omnibus rectoribus provinciarum*».

¹⁰⁰ Lex Theud.: «*Dat. sub die VIII. Kalendas Decembris anno XV. regni domni nostri gloriosissimi Theudi regis Toletio. Recognovimus*».

¹⁰¹ Lex Theud.: «*Hanc denique constitutionem vobis direximus sigilli nostri adiectione firmatam*

ворить, что закон Теоды сохранился в леонской рукописи «Бревиария Алариха» (X в.). Поскольку порядок нумерации титулов в «Бревиарии» не во всем совпадает с привычной современному исследователю нумерацией титулов и законов Кодекса Феодосия в издании Моммзена–Крюгера, подчеркну, что речь идет о титуле CTh. IV. 18 («О плодах и судебных издержках»)¹⁰², полностью вошедшем в вестготскую компиляцию. Он состоит из двух конституций, принадлежащих, соответственно, Валентиниану I и Валенту (CTh. IV. 18. 1 (а. 369) и Гонорию и Феодосию II (CTh. IV. 18. 2 (а. 423)). В Леонском палимпсесте хорошо видно, что закон Теоды был внесен в титул вслед за последней конституцией как LRV. IV. 16. 3 (что в нумерации по Моммзену–Крюгеру соответствовало бы CTh. IV. 18. 3)¹⁰³.

Составивший свой закон через семь десятилетий после Эвриха, когда от Западной Римской империи уже не осталось и следа, Теода, тем не менее, ни в коей мере не противопоставлял себя ее правовому наследию. Наоборот, собственное законотворчество (включая порядок обнародования изданных постановлений) он воспринимал как прямое продолжение традиции римских императоров, законы которых продолжали действовать на территории его королевства и которые он считал своим долгом лишь дополнять. И уж, вне всякого сомнения, закон Теоды в равной мере распространялся как на варваров, так и на римлян.

Тем более нет никаких оснований считать, что семью десятилетиями ранее Эврих, амбициозный законодатель и самый могущественный правитель варварского Запада своего времени, стремившийся к власти над всей Галлией¹⁰⁴, мог рассуждать иначе. Империя, созданная римлянами, была еще жива, вплоть до 475 г. она оказывала вестготскому королю ожесточенное сопротивление. В этих условиях мог ли Эврих способствовать противопоставлению своих подданных в правовом отношении? Мог ли он содействовать правовому «персонализму», вливая «новое вино» в «старые мехи»? Думается, ничто не свидетельствует об этом. Как применительно к другим романо-варварским королевствам не свидетельствует и весь остальной приведенный выше материал, наглядно говорящий в пользу тезиса о территориальности права всех романо-варварских королевств, начиная с момента их возникновения.

В этом смысле, положение бургундского права (Const. Extravag. [XX]), согласно которому в соответствующем королевстве дела между галло-римлянами надлежа-

discernentes, ut saluberrima[e] ordinationis moderationem *per universos populos* hac locorum iudices *aedictis* propositis manifestare curetis, quatenus expectata clementiae nostrae regnatione fugatum m[ole]stie pavorem congoscant. Hanc quoque *constitutionem in Theodosiani corporis libro quarto sub titulo XVI. adiectam iubemus*, ut omnibus scire liceat, que pro omnium salute decreta sunt. Si quis vero post *aedictorum* publicationem apud discussionem amplitudinis nostre... circa hanc auctoritatem offerre presumpserit, iubemus, ut iuxta formam legis compendiis coactus exsolvat» [«Наконец, мы направляем вам это *постановление*, скрепленное приложением Нашей печати, повелев, чтобы вы, путем издания эдиктов окружными судьями, позаботились огласить здесь это милостивое и полезнейшее приказание *всему народу* (вар.: по всем общинам. — О.А.), чтобы они знали: ожидаемым решением Нашего Милосердия тягостная неопределенность устранена. Мы приказываем поместить это *постановление* в 16-й титул четвертой книги Кодекса Феодосия, поскольку всем следует знать то, что установлено во имя благополучия всех. Если же кто-либо после издания эдиктов для разбирательства Нашей Значительности посмеет нанести ... этому решению, Мы приказываем, чтобы он был принужден к штрафу в соответствии с нормой закона»].

¹⁰² LRV. IV. 16 «De fructis vel expensibus».

¹⁰³ LRW, 35–38.

¹⁰⁴ См., например, об этом: Клауде 2002, 52–55; Томпсон 2003, 53 и др.

ло рассматривать в порядке, установленном «римским законом» («*legis Romanorum ordo*»), следует рассматривать лишь как то исключение, которое самим фактом своего существования подтверждает общее правило.

Литература

1. *Ауров О.В.* 2007: Фрагменты эдикта короля Эвриха: исследование и перевод // *Ius antiquum. Древнее право.* № 1 (19), 244–263.
2. *Ауров О.В.* 2012: Государство и право в Королевстве вестготов (Тулузский и Толедский периоды) // *Вестготская правда (Книга приговоров) / Латинский текст. Перевод. Исследование.* М., 60–95.
3. *Вольфрам Х.* 2003: Готы. М.
4. *Клауде Д.* 2002: История вестготов. СПб.
5. *Корсунский А.Р.* 1969: Готская Испания. М.
6. *Корсунский А.Р.* 1972: К дискуссии об «Эдикте Теодориха» // *Европа в Средние века: экономика, политика, культура.* М.
7. *Новицкий И.Б.* 1994: Римское право. М.
8. *Попова Г.А.* 2012: «Вестготская правда» («Книга приговоров»): рукописная традиция и история издания // *Вестготская правда (Книга приговоров) Латинский текст. Перевод. Исследование.* М., 108–133.
9. *Томпсон Э.А.* 2003: Римляне и варвары. Падение Западной Римской империи. М.
10. *Уоллес-Хедрилл Дж.-М.* 2002: Варварский Запад. Раннее Средневековье, 400–1000. СПб.
11. *Франчози Д.* 2004: Институциональный курс римского права. М.
12. *D'Abadal R.* 1960: Del reino de Tolosa al reino de Toledo. Madrid.
13. *Alvarado Planas J.* 1997: El problema del germanismo en el derecho español. Siglos V–XI. Madrid.
14. *Arce J.* 2007: Dagli imperatori ai re barbari: simboli e rappresentazione del potere // *I Longobardi. Dalla caduta dell'Impero all'alba dell'Italia.* Milano.
15. *Archi G.G.* 1976: Teodosio II e la sua codificazione. Napoli.
16. *Berni y Catalá J.* 1744: Instituta civil y real de España... Valencia.
17. *Blüme F.* 1847: Die westgothische Antiqua oder Gezetzbuch Reccared I. Halle.
18. *Cardenas Espejo F.* 1884: Orígenes del Derecho Español // *Idem. Estudios Jurídicos.* T. 1. Madrid.
19. *Collins R.* 2005: La España visigoda. Barcelona.
20. *Corcoran S.* 1996: The Empire of Tetrarchs. Imperial Pronouncements and Government, A.D. 284–324. Oxf.
21. *Dahn F.* 1855: Die Könige der Germanien. Bd 6. Lpz.
22. *Eichhorn K.F.* 1843: Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. Bd 1. Göttingen.
23. *Fernández de Mesa T.M.* 1747: Arte histórico y legal de conocer la fuerza y uso de los Derechos nacional y romano en España. Valencia.
24. *Fernández Prieto y Sotelo A.* 1738: História del Derecho real de España. Madrid.
25. *García Gallo A.* 1936–1941: Nacionalidad y territorialidad del derecho en la época visigoda // *Anuario de história del derecho español (далее: AHDE).* T. 13, 168–264.
26. *García González J.* 1956: Consideraciones sobre la fecha del Código de Eurico // *AHDE.* 26.
27. *Gibert R.* 1968: História general del Derecho Español. Granada.
28. *Gaudenzi A.* 1886: Un'antica compilazione di diritto Romano e Visigoto con alcuni frammenti delle leggi di Eurico tratta da un manoscritto della biblioteca di Holkham // *Documenti e Studi, II.* Bologna, 5–227.
29. *Fragmenta Gaudenziana* 1902: *Fragmenta Gaudenziana / K. Zeumer (ed.) // Leges Visigothorum (MGH Legum Sectio, I). Hannoverae et Lipsiae.*
30. *Vismara G.* 1968: *Fragmenta Gaudenziana.* Milano. (*Ius Romanum Medii Aevi*, I. 2. b. bb. β).
31. *Guarino A.* 1969: *Storia del diritto romano.* Napoli.
32. *Iglesia Ferreiros A.* 1977–1978: La creación del derecho en el reyno visigodo // *Revista de la história del derecho (Granada).* T. I–II.
33. *King P.D.* 1976: Law and society in the Visigothic Kingdom. Cambr.
34. *King P.D.* 1980: King Chindasvind and the First Territorial Law-code of the Visigothic Kingdom // *Visigothic Spain: New Approaches / E. James (ed.).* Oxf.
35. *King P.D.* 1988: *The Barbarian Kingdoms // Medieval Political Thought, c. 350 – c. 1450.* Cambr.
36. *Lafferty S.D.W.* 2010: *The Edictum Theoderici: A Study of a Roman Legal Document from Ostrogothic Italy / PhD Thesis.* Toronto.

37. Legum codicis Euriciani fragmenta... 1894: Legum codicis Euriciani fragmenta // Leges visigothorum antiquiores / K. Zeumer (ed.). (Fontes iuris germanici antiqui in usum scholarum ex MGH separatim editi.). Hannoverae–Lipsiae, 1–19.
38. Legum codicis Euriciani fragmenta... 1902: Legum codicis Euriciani fragmenta // Leges visigotorum // MGH: Legum sectio, I. / K. Zeumer (ed.). Hannovere et Lipsiae, 1–32.
39. *Martínez Marina F.* 1808: Ensayo histórico-crítico sobre la legislación y principales cuerpos legales de los reinos de León y Castilla. Madrid.
40. *Merêa P.* 1942–1943: Sobre la territorialidad de la legislación visigoda // AHDE. T. 14. 552–609.
41. *Merêa P.* 1948: Estudos de direito visigótico. Coimbra.
42. *D'Ors A.* 1956: La territorialidad del derecho de los visigodos // Estudios visigóticos. I. Roma–Madrid.
43. *Pacheco y Gutiérrez Calderón J.F.* 1847: De la monarquía visigoda y de su código, el Libro de los jueces o Fuero Juzgo // Los Códigos españoles concordados y anotados. T. 1. Madrid.
44. *Pérez Prendez J.M.* 1991: Las bases sociales del poder político (Estructura y funcionamiento de las instituciones político-administrativas) // La España visigoda. T. 3. Vol. 2. Madrid.
45. *Pidal P.J.* 1880: Lecciones del Gobierno y legislación de España (desde los tiempos primitivos hasta la Reconquista), pronunciadas en el Ateneo de Madrid en los años de 1841 y 1842. Madrid.
46. *Reinhart W.* 1945: Sobre la territorialidad de los códigos visigodos // AHDE. 16.
47. *Sánchez-Albornoz C.* 1976: Pervivencia y crisis de la tradición jurídica romana en la España visigoda // Idem. Viejos y nuevos estudios sobre las instituciones medievales españolas. T. 2. Madrid.
48. *Schultze A.* 1943: Über westgotisch-spanisches Eherecht, mit einem Exkurs: «Zur Geschichte der westgotischen Rechtsquellen» // Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philolog.-hist. Klasse. Bd 95. Teil 4.
49. *Sirks B.* 1993: The Sources of the Code // The Theodosian Code. Studies in the Imperial Law of Late Antiquity / J. Harries, I. Wood (eds.). L.
50. *Thompson E.A.* 2007: Los godos en España. Madrid.
51. *Ureña y Smenjaud R.* 1905: Legislación gótico-hispana (Leges aniquiores – Liber Iudiciorum). Estudio crítico. Madrid.
52. *Vismara G.* 1956: El «Edictum Theodorici» // Estudios visigóticos. I. Roma–Madrid.
53. *Wolfram H.* 1997: The Roman Empire and Its Germanic Peoples / Th. Dunlap (Trad.). Berkeley–Los Angeles–London.
54. *Wood I.* 1990: Administration, Law and Culture in Merovingian Gaul // The Uses of Literacy in Early Medieval Europe / R. McKitterick (ed.). Cambr.
55. *Zeumer K.* 1944: História de la legislación visigoda / C. Claveria (Trad. del alemán). Barcelona.

SICUT IN EDICTUM SCRIPTUM EST.

THE PROBLEM OF CONTINUITY OF ROMAN LEGAL TRADITION IN THE EDICTS OF 5th–6th CENTURIES BARBARIAN KINGS

O.V. Aurov

The author studies the problem of continuity of Roman Law in the Romano-Barbarian kingdoms. Modern scholars (K.F. Eichhorn, F. Dahn, K. Zeumer, W.Reinhardt, A. Schultze, P. Merêa, A. Guarino, H. Wolfram, E.A. Thompson, P.D. King, R. Collins and others) often support the view that different legal regimes existed at that time for the Romans and for the barbarians (the so-called «personal character» of law). This view is based on a broad interpretation of an article in the Burgundian Code (Lex Gund [8]). If one assumes this interpretation to be correct, this would mean that western legislation of the 5th–6th centuries witnessed a breach in the tradition of the post-classical Roman law (Theodosian Code and *novellae* issued by emperors of the middle and the second half of the 5th century), which was territorial in its character, i.e. applied equally to all the inhabitants of the Empire.

The article shows that the idea of broken tradition contradicts both the structure and contents of the barbarian kings' legislation of the 5th and 6th centuries. Analysis of the legislative activity of the Visigothic king Euric (466–484/485) and other Romano-Barbarian rulers of the period in question (Vandal, Frankish, Ostrogothic, Burgundian) shows that they not only copied the outer form of the late Roman edicts issued by prefects of the pretorium, but were guided by

the essential contents of Roman Law. There was no special law for the barbarians: the law of the barbarian kings (like emperors' constitutions before them) were equally valid for the barbarian and Roman population.

At the same time Visigothic and Burgundian kings sanctioned the usage of the books of excerpts from the imperial law in court (excerpts from the Theodosian Code, from 2nd half of the 5th century novellae, etc. – the so-called *Lex Romana Visigothorum* and *Lex Romana Burgundorum*), thus underlining the continuity of the legal system and their status of direct successors of Roman law-givers. Very typical in this respect is the edict of the Visigothic king Theudis (531–548), included, together with imperial constitutions, in the very part of the *Lex Romana Visigothorum* which reproduces the Theodosian code. Taking all this into consideration, the author of the paper joins those who support the view of the territorial character of the law system in the Romano-Barbarian kingdoms (A. García Gallo, A. D'Ors, R. Gibert, A. Iglesia Ferreiros and others).

Keywords: Barbarian Kingdoms, Late Roman Empire, Roman Law, edict, Visigoths, Vandals, Burgundians, Franks, Ostrogoths, Visigothic Kingdom of Toulouse).

СОКРАЩЕНИЯ

CHILP. ED.	– Chilperici edictum // Capitularia regum Francorum. T. 1 / A. Boretius (ed.). Hannoverae, 1883 (MGH. Legum sectio II), 8–10.
CHLOTARI II EDICTUM CONST. EX- TRAVAG. CTH	– Chlotharii edictum // Capitularia regum Francorum. T. 1 / A. Boretius (ed.). Hannoverae, 1883 (MGH. Legum sectio II), 20–23 – Constitutiones Extravagantes // Leges Burgundionum / L.R. de Salis (ed.). Hannoverae, 1892 (MGH. Leges nationum Germanicarum. T. 2. Pars 1), 117–122. – Theodosiani libri XVI cum constitutionibus Sirmondianis / T. Mommsen, E. Meyer, P. Krüger (eds.). Berolini, 1901. 2, 27–906.
ED. THEOD.	– Edictum Theodorici regis / F. Bluhme (ed.). Hannoverae, 1875–1889 (MGH. Leges. T. 5), 145–179.
FR. GAD. 7	– Fragmenta Gaudenziana / S. Corcoran (ed.). (URL: http://www.ucl.ac.uk/history2/volterra/texts/fg.htm)
FR. PARIS.	– Fragmenta Parisina (Cod. Rescr. Paris. Lat. 12161) // D'Ors A. El Código de Eurico. Roma–Madrid, 1960 (Estudios visigóticos. II), 22–43.
GREG. HIST.	– Gregorii episcopi Turonensis Libri Historiarum. Hannoverae, 1951 (MGH. Scriptores rerum Merovingicarum. T. 1).
GUNTRAMN. ED.	– Guntramni regis edictum // Capitularia regum Francorum. T. 1 / A. Boretius (ed.). Hannoverae, 1883 (MGH. Legum sectio II), 11.
ISID. HIST.	– Histórias de los Godos, Vandalos y Suevos de Isidoro de Sevilla. Estudio, edición crítica y traducción / C. Rodríguez Alonso (ed.). León, 1975.
GOTH. LEGES BUR- GUNDIONUM LEX GUND.	– Leges Burgundionum / L.R. de Salis (ed.). Hannoverae, 1892 (MGH. Leges nationum Germanicarum. T. 2. Pars 1). – Liber Constitutionum sive Lex Gundobada // Leges Burgundionum / L.R. de Salis (ed.). Hannoverae, 1892 (MGH. Leges nationum Germanicarum. T. 2. Pars 1), 29–116.
LEX THEUD.	– Leges Visigothorum / K. Zeumer (ed.). Hannoverae–Lipsiae, 1902 (MGH. Legum Sectio I. T. 1), 467–469.
LI	– Liber Iudiciorum // Leges Visigothorum / K. Zeumer (ed.). Hannoverae–Lipsiae, 1902 (MGH. Legum Sectio I. T. 1).
LRB	– Lex Romana sive forma et expositio Legum Romanarum // Leges Burgundionum / L.R. de Salis (ed.). Hannoverae, 1892 (MGH. Leges nationum Germanicarum. T. 2. Pars 1), 123–163.
LRV	– Lex Romana Visigothorum / G. Haenel (ed.). Lipsiae, 1849.
LRW	– Legis Romanae Visigothorum fragmenta ex codice palimpsesto Sanctae Legionis Ecclesiae / A. Fernández Guerra et al. (eds.). Matriti, 1896.
MGH	– Monumenta Germaniae Historica. 1826 –
VICT. VIT.	– Victor Vitensis. Historia persecutionis Africanae Provinciae / K.F. Halm (ed.). Berolini, 1879 (MGH. Auctores Antiquissimi. T. 3. Pars 1)